

Неакциональность в предложениях с деепричастиями (о грамматических загадках в «Евгении Онегине»)

Онипенко Ольга Сергеевна,

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Первая треть XIX в. – эпоха, в которую формировался русский литературный язык, когда не было жестких правил, связывающих синтаксическую конструкцию, морфологическую форму и семантику глагола, когда русский синтаксис находился в тесном взаимодействии с французским, когда значение слова и формы слова формировалось в конкретных текстовых условиях. «Язык пушкинской эпохи, – пишет А.Б. Пеньковский, – унаследовал от прошлого систему в значительной степени, хотя и не до конца отработанных жестких макрограмматических норм и норм жанрово-стилистической дифференциации словарного материала. Однако во всех остальных отношениях он давал говорящим / пишущим широчайшую свободу языкового выражения, оставляя в пренебрежении интересы слушающих / читающих, которые на каждом шагу попадали в ситуацию смысловой неопределенности» [Пеньковский: 7]. Эта относительная свобода автора отразилась и в синтаксисе деепричастий.

В «Евгении Онегине» мы находим такие употребления деепричастной формы, которые требуют особого лингвистического комментария. Рассмотрим IX строфу VIII главы:

*– Зачем же так неблагоклонно
Вы отзываясь о нем?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочем, судим обо всем,
Что пылких душ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляет, иль смешит,
Что ум, любя простор, теснит...
Что слишком часто разговоры
Принять готовы за дела,
Что глупость ветрена и зла,
Что важным людям важны вздоры
И что посредственность одна
Нам по плечу и не странна?*

Выделенная строчка является перефразировкой слов А.В. Кикина. В комментариях Ю.М. Лотмана, со ссылкой на В.В. Виноградова, эта строка объясняется так: А.В. Кикин, крупный политический деятель эпохи Петра I, был казнен Петром за участие в «заговоре» царевича Алексея. «Петр I якобы спросил Кикина в застенке: «Как ты, умный человек, мог пойти против меня?» – и получил ответ: «Какой я умный! Ум любит простор, а у тебя ему тесно» [Лотман: 714].

Пушкин перефразировал слова Кикина, заменив финитную форму глагола *любить* деепричастной. Но если у Кикина *ум* принадлежит говорящему (первому лицу, Кикину), а теснят его реформы Петра, то у Пушкина первое лицо соотнесено с тем, кого теснят; глагол прочитывается статуально, он синонимичен предикативу состояния (*тесно*). Пушкинский текст можно истолковать так: *ум, который любит простор, теснит ничтожность, которая любит себя; ум не по плечу ничтожности*.

В рассматриваемом примере соединяются два неакциональных глагола *любить* и *теснить*, субъект один, но он является неодушевленным (*ум*). Данная конструкция не противоречит главному правилу, сформулированному в пособиях по культуре речи (деепричастный оборот должен относиться к подлежащему), но фраза трудно прочитывается, поскольку деепричастие не образуется от глаголов, не имеющих форм 1 и 2 л.

Проблема не во всем глаголе *любить*, а в конкретном его лексико-семантическом варианте: *Ум любит простор; растения любят тепло; мысли любят тишину*. Словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой выделяет отдельное значение глагола: «4. Любить – (1 и 2 л. не употр.), что и с союзом «чтобы». Нуждаться в каких-н. предпочтительных условиях. *Цветы любят тепло (чтобы было тепло)* » [Ожегов, Шведова: 328–329]. Именно это значение запрещает деепричастие; ср.: * *Цветы, любя тепло, стояли на окне*. Но в Словаре языка Пушкина этого значения нет.

Еще один пример с неакциональным глаголом в деепричастной форме:

В любви считаясь инвалидом,

Онегин слушал с важным видом...

В форме деепричастия стоит глагол *считаться*, который в современном русском языке, как правило, употребляется в авторизирующей функции, причем обозначает принадлежность мнения обществу, другим, но не говорящему. В таком значении этот глагол очень редко употребляется в деепричастной форме.

Авторизирующий глагол *считаться* встречается, прежде всего, в официально-деловом стиле, в предложениях, в которых деепричастие *считаясь* синонимично деепричастию *будучи*; ср. пример из текстов XXI в.: *Считаясь участником судебного процесса, прокурор должен в первую очередь способствовать исполнению требований закона о всестороннем разбирательстве дела*. (Прокуратура // «Отечественные записки», 2003).

Составители Словаря языка Пушкина при определении глагола *считаться* особо отметили этот рассматриваемый нами пример из второй главы «Евгения Онегина» – выделили отдельное значение глагола только на основании этого примера: «6. Полагать, признавать себя кем-н., чем-н., расценивать себя каким-н. образом» [Словарь языка Пушкина: 466]. Тем самым авторы словаря прочитали глагол в собственно-возвратном значении. Но сравнение с инвалидом (ветераном) принадлежит автору, поэтому можно предположить, что деепричастие *считаясь* можно соотнести и с точкой зрения автора и прочитывать как синоним деепричастия *будучи*.

Таким образом, рассмотренные деепричастия выражают не действия субъекта и не точку зрения героев, а мысль автора. Деепричастия неакциональных глаголов расширяют сферу ассоциаций в сознании читателя и связей внутри текста – позволяют не только двигаться по линии сюжетного времени, но и организовывать многоплановое текстовое пространство.

Анализ неакциональных деепричастий в «Евгении Онегине» дает возможность обогатить наше представление о произведении, о языке той эпохи и его отличиях от современного состояния, а также дать характеристику самому деепричастию как сложной и многофункциональной глагольной форме.

Литература.

Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 1995.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1996.

Пеньковский А.Б. Загадки пушкинского теста и словаря. М., 2005.

Словарь языка Пушкина. Т.4. М, 2000.

Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 95–113.